

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО В ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ – ПРОСТРАНСТВО «СНЯТИЯ» ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Н.А. СМЕРНОВА

Вероятно, с вопроса В. Библера, адресованного двадцатому веку – «Кто ты по культуре?» можно отсчитывать время «взрыва многообразия» идентичности, интенсивных поисков ее конкретных форм – даже там, где еще недавно, казалось, вполне хватало традиционного арт-паспорта: итальянский, голландский, французский, японский, русский художник. Но вторая половина двадцатого века переместила подобную паспортность из сферы национальной принадлежности в области более чем относительные, мало конвенциональные и совершенно далекие от несомненности. Их можно было бы обозначить как космо-психологические, если воспользоваться терминологией Георгия Гачева. Иными словами, стало понятно, что для определения творческой идентичности недостаточно традиционных критериев, подобных маркерам И. Тэна – раса, среда, момент – чтобы, за попыткой классификационной определенности, возникла некая аутентичность, не имеющая шлейфа вопросов и сомнений.

Изобразительное искусство стало «имманентным элементом» кавказских этнических культур совсем недавно – в 40-х годах 20 века. Неудивительно, что когда речь заходит об изобразительном искусстве Кавказа, достаточно часто еще звучит недоумение. – Как? Вы не ошиблись? Может, декоративно-прикладное искусство? Например, кубачинское серебро, азербайджанские ковры, адыгское золотое шитье, балкарские кийизы?.. – Нет! Ошибки нет и быть не может. Одна только Кабардино-Балкария сегодня являет собой такое обширное пространство живописи, графики, скульптуры, представленных в самых разных художественных системах и эстетических парадигмах – от классического реализма и академизма до геометрической абстракции, концептуализма, сюрреализма, сезаннизма и трансавангарда, – что потребуется не один путеводитель, с помощью которого мы, быть может, найдем маршрут, способный провести нас по магистралям (но не по закоулкам!) креативно-образного сознания в этом регионе России, в которой, без преувеличения, явлена модель мира рубежа XX – XXI вв. И главное – социальная, культурная идентичность этого мира.

Проблема идентификации здесь, скажем прямо, имеет и свои особенности, и свои сложности. Один из самых «прозрачных» случаев – творчество Мухадина Кишева. Всемирно известный художник, кабардинец по национальности, испанец по месту проживания, лондонец-андалузец-москвич – по месту работы. Какой критерий здесь позволяет говорить о «решенной» проблеме самоопределения? То, что Кишев сам ощущает себя художником мира с адыгскими корнями? У него даже есть лукаво-точный, ироничный ответ на вызовы проблемы своей идентичности – его серия портретов «Женщины мира» (испанки, русские, африканки, кабардинки, француженки, молдаванки, японки), одетых в фашэ – традиционный адыгский женский костюм.

Думается, об «исчерпанности» проблемы идентичности можно говорить и в случае с другим известным художником – Хамидом Савкуевым, ставшим членом Петербургской Академии живописи. Достаточно взглянуть на его работы, чтобы понять, как сложно и в то же время просто решается им данная проблема. Творчество Савкуева – интереснейший случай творческой **самоидентификации**, в которой этническая мифологическая составляющая, отсылающая к Нартскому эпосу, вызывает в нашем сознании не только автохтонные техники прикладного искусства и ремесел Кавказа (ковка, литье, плетение, чеканка и т.д.), но и те вехи в истории современной мировой скульптуры (В. Лембрук, Г. Мур, П. Пикассо, А. Джакометти, М. Шемякин), которые привносят новое содержание в понятие художественной ментальности – ее свойств и возможностей, ее географической и культурной отнесенности. К слову сказать, известный художник Михаил Шемякин утверждает: «Тщательно занимаясь изучением и анализом истока древних культур и синтезом их достижений в области гармонизации форм, можно раскрыть таинственную взаимосвязь метафизических форм, которая существовала во все эпохи»¹.

Когда речь заходит о самом Шемякине – живописце, графике, скульпторе, чеканщике, керамисте, гражданине мира, соединившем в своей родословной отца-кабардинца и русскую мать, проблема идентификации еще раз предстает в виде апории Зенона – как парадоксально-ясная неразрешимость. Сам художник считает себя кабардинцем, из чего следует.. что перед нами ярчайший пример «снятия» идентичностей, переход идентичности в свое «иное»: **не** одинаковости, **не** сходства, **не** однообразия.

Еще одно имя, еще одна творческая судьба, соединившая в себе столь разные образно миры как Кавказ и Сибирь – Герман

Паштов, художник книги, работающий в редкой ныне технике ксилографии. Иллюстратор М.Ю. Лермонтова, А. Кешокова, К. Кулиева, народный художник России, член-корреспондент Российской академии художеств, профессор, создатель и бессменный руководитель уникальной творческой мастерской графики Российской академии художеств в Красноярске.

Так и напрашивается — «Что должно значиться в арт-паспорте Марка Шагала»? Какой стране и какому государству принадлежит его Витебск? Какова культурная принадлежность Океании Поля Гогена? Армении Мартироса Сарьяна? В какую классификацию точно впишется графика в стиле дзен Михаила Шемякина? А Кавказ, Сибирь, Африка и Испания Мухадина Кишева?.. А что можно сказать о таком явлении, как творчество Руслана Цримова, получившее высокую оценку того же Шемякина и обозначенное как рецептуализм критиком Славой Лёном? Это все о художниках-кавказцах. Как здесь взаимодействуют истоки и устремления, национальное и универсальное, личностное и имперсональное?

Глобализованный мир до предела обострил проблему идентичности, что, разумеется, закономерно. И культура, как особая — образная, историческая память и самосознание социума, в своих ответах на эту проблему способствует все более ясному пониманию того, что та или иная этнонациональная принадлежность есть всего лишь возможность особенности своего Слова о мире, но никак не само это Слово. Пронизанность этого Слова этноментальностью и обращение к художественно-мифологическим этно-кодам есть лишь начало пути. Как и знакомство с тезаурусом искусства и культуры мира. А что же — «в итоге»? Оказывается — снятие всякой локальности и идентичности, в итоге — прорыв в новые коммуникативные пространства.

В.Г. Белинский замечательно сказал: «Да — только идя по разным дорогам, человечество может достигнуть единой цели; только живя самобытной жизнью, может каждый народ принести свою долю в общую сокровищницу. В чем же состоит эта самобытность каждого народа? В особенном, только ему принадлежащем образе мысли и взгляде на предметы, в религии, языке и более всего в обычаях». И тут же Белинский счел необходимым заметить, что жизнь «самобытная и характерная», но «односторонняя и изолированная», не приобщенная к общей жизни человечества, рискует обернуться иссяканием и смертью, в конечном счете. Разумеется, можно занять, как это случилось в России Петра, например, фор-

мы европеизма, но они часто оборачивались пародией на европеизм. Панацеей в этом и подобных случаях могла и должна была стать идентификация по духу, а не по букве. По сути, приводящей к узнаваемому, уникальному искусству и культуре – с не общим выражением лица. Думаю, это относимо к изобразительному искусству КБР, которое по всем критериям является искусством России и всего мира.

Известная российская кабардинская поэтесса Инна Кашежева в статье, опубликованной в газете «Литературная Россия» еще в 1972 году (от 11-го августа), с красноречивым в контексте наших размышлений названием – «Моя метрика» пишет: «...Еще один мой дед творит намаз, Другой в России, не крестьян, ложится... Им суждено во мне соединиться. Да, спустя полвека я уже могла написать это «суждено». Ни здесь, ни в других стихах я вовсе не пытаюсь исследовать генеалогическое древо в аспекте собственной скромной судьбы, а хочу взглянуть на питающее его сплетение корней – символическое единение судеб двух народов, двух историй, двух культур»².

Позволим себе повтор: национальность – не паспортная подробность, но и не резюме, а тем более – не приговор, окончательный, безапелляционный. Пожалуй, приговором является национализм – утверждаемая от имени некоего социума (народа) уникальность, которая не просто не распространяется на другие народы, но и агрессивно отказывает им в этом праве. Увы, на Кавказе (как в России) национализм нередко показывает свой неприглядный лик, но только – не в мире названных художников.

Конечная же цель изучения национальных образов мира, как отмечает Георгий Гачев, заключается «не в том, чтобы натвердо закрепить какой-то аспект видения мира за данным народом (всякое утверждение здесь может быть лишь примерным), но в том, чтобы разглядеть многовариантность мироздания, используя в качестве точек наблюдения разные национальные космосы, откуда прозрачнее проступают те или иные грани бытия»³. Проблема в том, что сегодня культурное многообразие в России – скорее рядоположенность несхожестей. Это – такая форма поврежденности российской культуры, возникшая в 90-х годах прошлого века.

Разрушение всюду и всегда одинаково. Вспоминается Пабло Пикассо и его безупречный, убийственно-точный ответ разрушителям всех мастей по поводу его картины «Герника», созданной после бомбардировки этого испанского города в период граждан-

ской войны (1937): «Это сделали вы»... Созидание же – многолико и неисчерпаемо. Как Мир. В основе искусства – культурная память человечества, непредставимая без развитого самосознания, как целого народа, так и отдельного человека. Специфической особенностью памяти культуры, как памяти исторической, является ее ориентация на спасение прошлого – осознанная борьба с забвением, с погружением прошлого в небытие.

На Кавказе эта борьба с Летой носит не специфический, а быть может, более явственный, чем в других местах России, характер. У исторической памяти здесь особые болевые точки. Но когда знакомишься с творчеством художников Кабардино-Балкарии, видишь, как боль и память приводят к таковым – тоже всюду одинаковым – в Чечне и Армении, Дагестане и Америке, Прибалтике и Польше. Но главное – этот выход на параллельно-пересекающееся существование позволяет идти дальше, видеть глубже, верить в человека. И тогда в картинах кавказских художников, например, Андрея Колкутина мы прозреваем родство с иконописью Рублева и Казимира Малевича; Хызыра Теппеева – с Марком Шагалом и Павлом Филоновым; Рустама Тураева – с Хаимом Сутиным и Амедео Модильяни; Юрия Чеченова – с Данте Габриэлем Россетти, Пюи де Шаваном и Михаилом Врубелем. Родство сущностное, родство Видения и Сопереживания.

И еще. Изобразительно искусство живущих и работающих в Кабардино-Балкарии художников дает возможность осознать в полной мере надуманность таких понятий, как центр и периферия, идентификация сверху и самоидентификация, когда речь заходит об искусстве, настоящем искусстве. Тем более – осознать вынужденную глобализацией и российской действительностью остроту проблемы идентичности. Мне, россиянке из Нальчика, думается, что идентификационный маркер россиянин, пока лишь умственно осознаваемый, зазвучит гордо во всех городах и весях страны как **соотечественник, компатриот** только тогда, когда Россия на деле, а не на словах откроет для себя и восхитится своим духовным, культурным, этническим богатством и сделает его доступным всему миру.

...Более восьмидесяти художников живут и работают в Кабардино-Балкарии и за ее пределами. Лица кавказской национальности... Как неожиданно точно и емко! Когда год или два назад в рамках Всероссийской кампании выбора семи чудес России, таковым был назван и Эльбрус, не последнюю роль в этом сыграл его географический статус – высочайшей вершины

Европы. Но его высота в метрах есть еще и символ Высокости. Родством по Эльбрусу, действительно, можно гордиться. И не только Кавказу, не только России. Это проступает в философии и эстетике кавказских художников.

У Михаила Шемякина есть скульптурный автопортрет «Прошлое, настоящее, будущее» (1992). Поразительное раздвоенное, трехголовое единство (ипостась творческой Троицы?) художника-рыцаря – анатомически-беззащитного и облаченного в доспехи артистизма. Внемлющего и созерцающего. Творящего абсолютно человеческую, подлинную реальность Культуры.

Разнообразие доставляет удовольствие, говорили древние римляне. Полагаем, смысл этой сентенции далеко не исчерпывается вкусовыми, эстетическими предпочтениями. **Identicus-varietas**, похожий-разнообразный. Как основополагающие для культуры, эти понятия существуют в ней не как взаимоисключающие противоположности, но как аналог универсального закона природы, открытого искусством задолго до естественных наук. Проблема идентичности в искусстве есть проблема «снятия» идентичности.

Думается, в этом ее главная антропометрическая ценность и гуманистическое предназначение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Независимая газета. 1994. 16 августа.

² *Кашежсва И.* Кавказ надо мною. Жизнь и творчество. – Нальчик, 2010. – С. 143.

³ *Гачев Г.* Ментальности народов мира. – М., 2003. – С. 44.

Аннотация

Предметом статьи является проблема идентичности в полиэтническом изобразительном искусстве. На примере творчества художников Кабардино-Балкарии автор показывает разные аспекты заявленной проблемы – от якобы очевидных до граничащих с неразрешимостью.

Ключевые слова: идентичность, культура, этно-культура, изобразительное искусство, арт-паспорт, ментальность, глобализация, подобие, различие, разнообразие.

Summary

The main subject of the article is a problem of identity in ethno-culture. Appealing to the visual arts in Kabardino-Balkaria the author shows different aspects of the problem – from seeming quite evident to bordering on insolution.

Keywords: identity, culture, ethno-culture, visual arts, art-passport, mental model, globalization, similarity, diversity, variety.